

Частный и государственный сектора экономики Беларуси: куда качнулся маятник после 2019 года?

BEROC, 2025

BEROC Policy Paper Series, PP no. 124

РЕЗЮМЕ:

Частный сектор экономики Беларуси динамично развивался в 2010-е годы и к началу текущего десятилетия сравнялся с государственным по вкладу в ВВП. С 2020 года институциональная среда для предпринимательства изменилась в неблагоприятную сторону, а ужесточение санкционного давления с 2022 года еще больше усложнило условия работы для частного бизнеса. Эти изменения в сочетании с уменьшением объема публичной официальной статистической информации породили опасения заметного уменьшения вклада частного сектора в экономику Беларуси после 2019 года.

Настоящее исследование ставит целью систематизировать и проанализировать динамику основных показателей развития частного и государственного секторов экономики после 2019 года. Полученные результаты показывают, что частный бизнес продолжал играть важнейшую роль в экономике Беларуси и формировал около половины валовой добавленной стоимости в 2021–2024 годах. Вместе с тем наблюдавшая до 2020 года тенденция увеличения доли частного бизнеса в экономике остановилась в 2021–2024 годах, а удельный вес государственных предприятий оставался избыточным при сравнении со странами Центральной и Восточной Европы при их меньшей эффективности относительно частных фирм. При сохранении статус-кво трудно рассчитывать на устойчивое повышение темпов экономического роста в Беларуси в долгосрочном периоде.

Ключевые слова: частный бизнес, государственный сектор, занятость, заработная плата, экспорт, импорт, промышленность, инвестиции, ВДС.

1. Введение

После периода высокого экстенсивного роста в 00-х экономика Беларуси вошла в продолжительную стагнацию. Среднегодовой темп прироста ВВП замедлился с 7,1% в 2000–2011 гг. до 0,7% в 2012–2021 гг. и 1,1% в 2022–2024 гг. Длительный «застой» стал следствием отложенных и незавершенных структурных реформ (Dobrinsky et al., 2016). Это проявилось в сокращении вклада совокупной факторной производительности в рост ВВП после мирового финансового кризиса, его тяжелом восстановлении и сохранении низким (Мирончик, Левихина, 2020; Гайдук, 2020а; Крук, 2020).

Политические и экономические институты в Беларуси не формируют достаточных стимулов к устойчивому развитию на основе инноваций, особенно те из них, которые связаны со структурой собственности в экономике, ее защитой и верховенством права. Именно гипертрофированный сектор государственных предприятий ответственен как за быстрый рост в нулевых, так и за последующий «застой» (Hartwell et al., 2022). Поддерживать же хоть и низкий, но рост ВВП после 2010 года позволяло расширение, несмотря на имевшиеся барьеры, частного сектора в белорусской экономике.

Частный сектор динамично развивался во втором десятилетии XXI века во многом благодаря снижению регуляторной нагрузки и либерализации условий для бизнеса (Мирончик, Щерба, 2022; BEROС, 2023). Трудовые ресурсы перетекали из государственных предприятий в организации негосударственной формы собственности. Повысилась значимость частных компаний в промышленности и еще более существенно в экспорте товаров и услуг (Данейко и др., 2020; Чубрик, 2021). В результате вклад частного сектора в ВВП к 2020 году приблизился к 50% (Мирончик, Щерба, 2022; Гайдук, 2020а), а по некоторым оценкам превысил 50% (Данейко и др., 2022). Следует сделать оговорку, что авторы большинства обозначенных работ относили к государственному сектору организации с любой долей государства в собственности. Подобный подход при рассмотрении государственного сектора (и государственных предприятий) применялся и в настоящем исследовании.

Частные компании более эффективны в использовании трудовых и капитальных ресурсов. Государственный сектор, напротив, в силу низкой эффективности использования активов, значительной долговой нагрузки и слабой производительности труда генерирует риски для макроэкономической и финансовой стабильности и ограничивает потенциал роста экономики Беларуси (Мирончик, Левихина, 2020;

Гайдук, 2020а; Крук, 2023). Добавленная стоимость на одного занятого на государственных предприятиях до 2020 года была существенно ниже, чем на негосударственных, а отдача на капитал – в три раза меньше (Мирончик, Щерба, 2022; Richmond et al., 2019).

Невысокая эффективность госсектора вплоть до 2020 года по крайней мере частично компенсировалась расширением более продуктивного частного бизнеса и реаллокацией туда трудовых ресурсов. Это не позволяло достигнуть устойчиво высоких темпов экономического роста в Беларуси и значительно сократить разрыв в благосостоянии со странами Центральной и Восточной Европы (Hartwell et al., 2022), но позволяло поддерживать доход на душу населения на уровне выше среднего (World Bank, 2025).

В 2020 году белорусская экономика вошла в период турбулентности. Пандемия COVID-19, социально-политическая напряженность после президентских выборов и реакционная политика властей, значительное усиление санкционного давления и вынужденная перестройка производственных связей существенно изменили условия для предпринимательства в стране (Bornukova & Friedrich, 2021; Marozau, 2023).

Финансовая поддержка государственных предприятий со стороны правительства вновь возросла (Калечиц, 2024), а качество регуляторной среды и государственного управления заметно ухудшились (WGI, 2025). Такие изменения указывают на усложнение условий ведения бизнеса и могут сопровождаться снижением стимулов к предпринимательству. Без этого проблематично рассчитывать на устойчивое повышение темпов экономического роста в долгосрочной перспективе.

Быстрое же восстановление экономики Беларуси в 2023–2024 годах после сильного спада 2022 года было связано со специфическими механизмами роста, среди которых следует отметить увеличение прямой и косвенной поддержки со стороны России, рост спроса (особенно в части оборонного комплекса) и временное снижение конкуренции на российском рынке из-за сокращения присутствия на нем ряда западных компаний, максимальное вовлечение в производство рабочей силы и производственных мощностей в белорусской промышленности, а также мягкую монетарную и бюджетную политику в Беларуси (Kruk, 2024; BEROС, 2024b; 2024c). Однако специфические механизмы роста со временем исчерпываются, а устойчиво высокий экономический рост возможен на основе инноваций (Бальцерович и др., 2018).

Настоящее исследование ставит целью проанализировать динамику основных показателей развития частного и государственного секторов экономики после 2019 года. Понимание текущих кондиций секторов и изменения их роли в экономике представляется важным для корректной диагностики состояния белорусской экономики и оценивания перспектив ее развития. Исследование не ставит задачу выработки рекомендаций по реформированию сектора государственных предприятий и повышению значимости частного бизнеса. Этот вопрос изучен в научной экономической литературе, в том числе в приложении к Беларуси (Данейко и др., 2022; Hartwell et al., 2022; Данейко и др., 2020; Гайдук, 2020b; Мирончик, Левихина, 2020).

Нам не известны исследования, в которых систематизированы и изучены экономические индикаторы государственных и частных предприятий после 2020 года. Вероятно, это объясняется ограничением белорусскими властями спектра публичных статистических данных после 2020 года и снижением удобства доступа к ним. В работах BEROС (2023; 2024a) анализируется состояние малого и среднего предпринимательства в Беларуси и отношения граждан к предпринимательству и бизнесменам после 2020 года на основе данных опросов. Основной вывод этих исследований заключается в том, что отношение белорусов к предпринимательству является устойчиво позитивным и появляются сигналы того, что частный сектор по-прежнему сохраняет потенциал драйвера социально-экономического развития Беларуси.

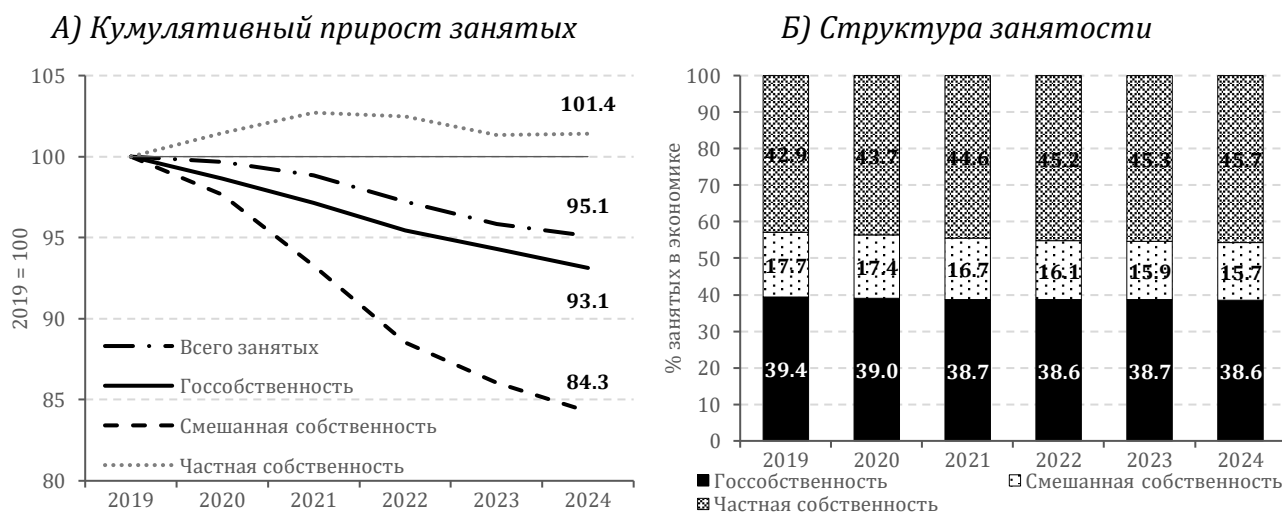
Полученные в настоящем исследовании результаты на основе анализа статистических данных подтверждают выводы работ, базирующихся на опросах населения и малого и среднего бизнеса. Главное заключение состоит в том, что значимость частного сектора в белорусской экономике, как минимум, не снизилась в 2021–2024 годах в сравнении с 2019 годом. 2019 год принят за базисный – это крайний период, когда в экономике, политической и социальной сферах не было такой турбулентности, которая наблюдается с 2020 года. Если использовать в качестве точки отсчета 2021 год – период до значительного усиления санкционного давления на Беларусь, – то результаты не претерпят сущностных изменений.

2. Экономические индикаторы частного и государственного секторов экономики Беларуси в 2020–2024 годах

2.1 Государственный сектор терял работников в 2020–2024 годах, даже несмотря на опережающий экономику в целом рост оплаты труда на государственных предприятиях

Количество занятых в экономике Беларуси сократилось почти на 5% в 2020–2024 годах из-за неблагоприятных демографических трендов и процесса эмиграции (Лузгина, Корейво, 2023). Динамика занятости различалась по формам собственности. Количество работников на государственных предприятиях и в организациях с участием государства продолжило сокращаться, в то время как в частном секторе выросло более чем на 1% **(Рис. 1.А)**. В итоге доля частного сектора в занятости увеличилась с 42,9% в 2019 году до 45,7% в 2024 году, а государственного сектора – уменьшилась с 57,1% до 54,3% соответственно **(Рис. 1.Б)**. Следует отметить, что в составе государственного сектора учитываются работники бюджетной сферы, на которых приходится 18–20% численности занятых в экономике. Если рассматривать коммерческие организации, то в списочной численности их работников доля государственных предприятий составляла 43,4% в 2019 году и 42% в 2024 году. Таким образом, в занятости в бизнес-сфере преобладает частный сектор, а его значимость возросла с 2019 года.

Рисунок 1: Динамика и структура занятости в экономике Беларуси

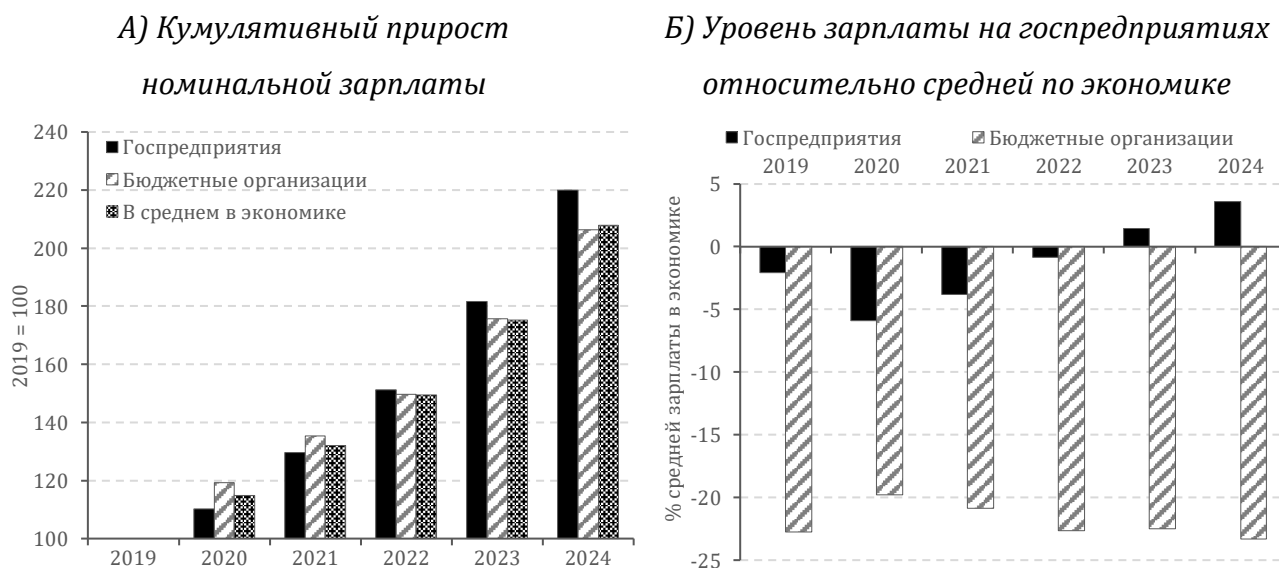
Источник: расчеты автора на основе данных Белстата.

Примечание: численность занятых в организациях смешанной формы собственности в 2019–2020 гг. является оценкой. Для этого периода имеются данные по смешанной собственности без иностранного участия и с иностранным участием, но в последнем случае отсутствует разбивка в части государственного участия. Погрешность оценки не должна превышать 2% от численности занятых в экономике, а, скорее всего, гораздо ниже.

Снижение количество занятых в экономике после 2020 года сопровождалось значительным увеличением вакансий и снижением уровня безработицы с 4,2% рабочей силы в 2019 году до исторически минимальных 3% в 2024 году. В итоге на рынке труда сформировался существенный дефицит работников, который прогрессировал в 2023–2024 годах (Lvoskiy, 2024; BEROC, 2024с). Конкуренция за персонал значительно возросла, что вынуждало фирмы всех форм собственности повышать заработную платы высокими темпами. При этом на государственных предприятиях заработные платы росли несколько быстрее, чем в целом по экономике (**Рис. 2.А**). В результате размер оплаты труда на государственных предприятиях превысил средний уровень по экономике (**Рис. 2.Б**). Однако даже в условиях опережающего роста заработных плат государственный сектор терял работников, а частный – принимал. Этот статистический факт корреспондирует с устойчивым позитивным восприятием частного бизнеса у населения (BEROC, 2024а). Нельзя также исключать и того, что частично сокращение занятости в государственном секторе объяснялось расширившейся после 2020 года практикой увольнений по неэкономическим причинам.

Таким образом, тенденция «ползучей» утраты государственными предприятиями «социальной» функции сохранялась после 2019 года, а занятость в частном секторе расширилась даже в условиях сокращения рабочей силы в экономике.

Рисунок 2: Динамика средней номинальной заработной платы в Беларуси

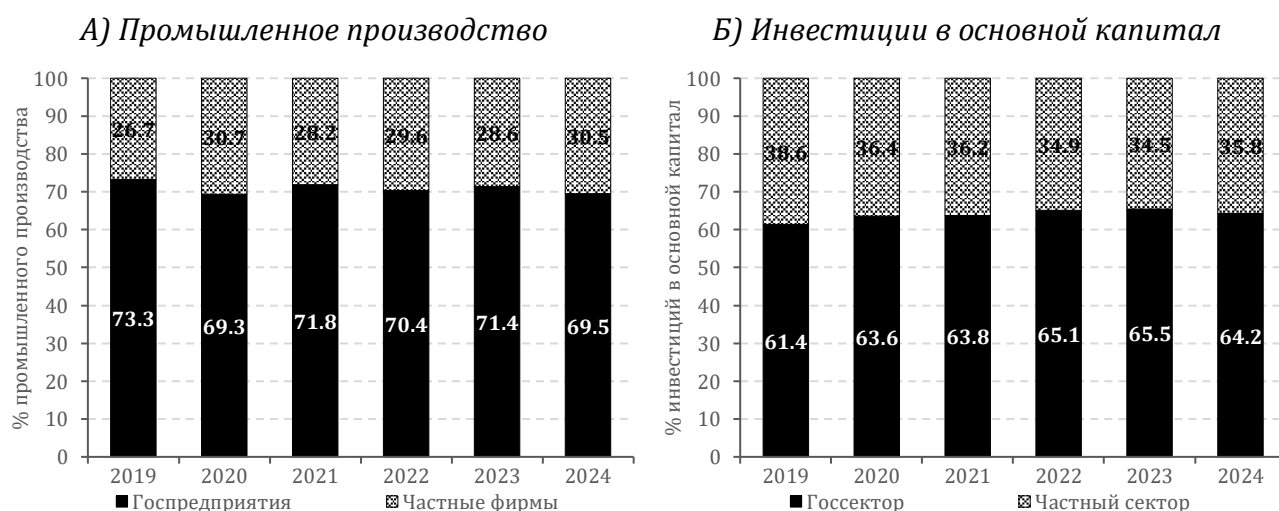

Источник: расчеты автора на основе данных Белстата.

2.2 Частный сектор не утратил позиций в промышленности и экспорте после 2020 года

В 2024 году частные коммерческие организации обеспечили 30,5% промышленного производства. Их удельный вес с 2019 года вырос на 3,8 п.п., а доля государственных предприятий сократилась на соответствующую величину (**Рис. 3.А**). Оценить влияние отраслей на произошедшие изменения проблематично, так как Белстат с 2022 года перестал публиковать данные по выпуску в отдельных секторах промышленности. Можно предположить, что, как минимум, частично уменьшение доли государственных предприятий в производстве связано с нефтепереработкой, выпуск которой не восстановился к показателям 2019 года из-за санкционного воздействия. В отношении другой крупной подсанкционной отрасли – выпуск калийных удобрений – выводы не столь очевидны: по косвенным индикаторам производство калия в 2024 году вернулось к уровню 2019 года, но цены продаж снизились из-за расширения дисконта белорусского калия к мировым котировкам.

Рисунок 3: Структура промышленности и инвестиций в Беларуси

Источник: расчеты автора на основе данных Белстата.

Примечание: здесь и далее предприятия смешанной формы собственности (с любой долей участия государства) учитываются в составе госпредприятий (или государственного сектора).

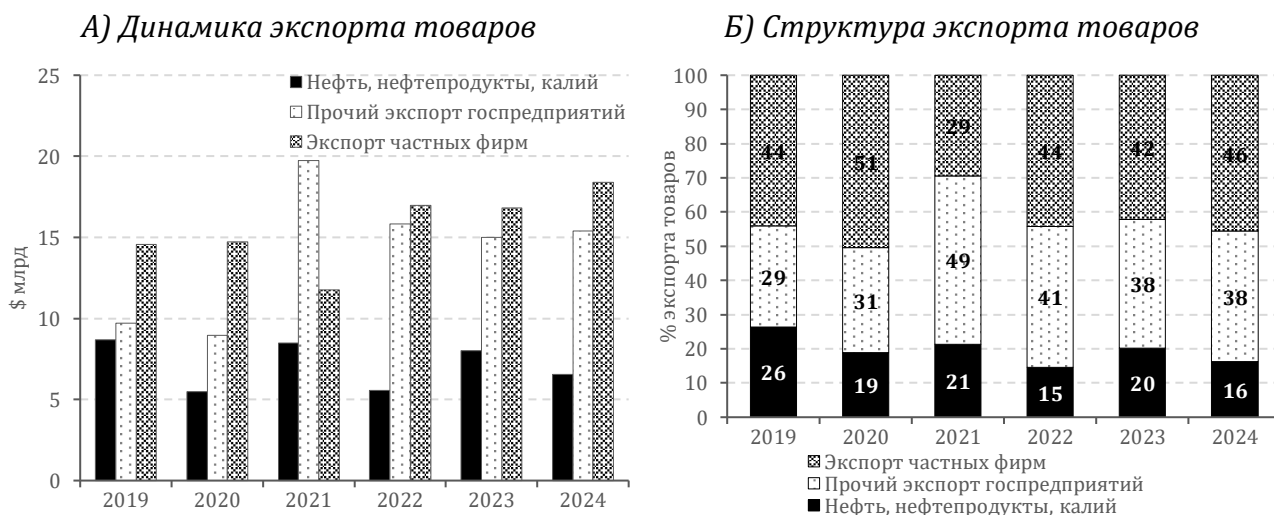
Белорусская промышленность является экспортоориентированной. В обрабатывающих отраслях порядка 70% выпускаемой продукции поставляется на внешние рынки.

Детальные данные по внешней торговле также закрыты в Беларуси с 2022 года, однако оценить объем экспорта нефтепродуктов и калийных удобрений возможно по данным зеркальной статистики внешней торговли, утечкам информации в СМИ и заявлениям белорусских чиновников. Согласно полученным оценкам, стоимостной объем экспорта нефтепродуктов и

калийных удобрений заметно сократился после 2019 года (**Рис. 4.А**), а их доля в суммарном экспорте товаров уменьшилась с 26% в 2019 году до 15–20% в 2022–2024 годах (**Рис. 4.Б**).

Прочий экспорт государственных предприятий заметно возрос с 2019 года (**Рис. 4.А**), а его доля в суммарном экспорте товаров поднялась почти на 9 п.п. (**Рис. 4.Б**). Это стало следствием усиления промышленной кооперации Беларуси с Россией после ужесточения санкционного режима в начале 2022 года, что выражалось в наращивании поставок в Россию продукции машиностроения, с высокой вероятностью в значительной степени связанной с оборонным комплексом. В условиях санкций ЕС, США, Великобритании и ряда других государств белорусские производители переориентировались на Россию: доля российского рынка в суммарном экспорте белорусских товаров возросла с 41–45% в 2019–2021 годах до 63–65% в 2023–2024 годах.

Рисунок 4: Динамика и структура стоимостного объема экспорта товаров Беларуси

Источник: расчеты автора на основе данных Белстата, Нацбанка, Всемирного банка, UN Comtrade, информации в СМИ.

Примечание: при распределении экспорта нефтепродуктов с 2021 года заложена предпосылка о том, что 90% этого экспорта приходилась на коммерческие предприятия, учитываемые в статистике как частные, а 10% – как государственные. Это примерно соответствует распределению экспорта товаров по отрасли производства кокса и продуктов нефтепереработки в 2019–2020 годах, для которых доступны статистические данные Белстата.

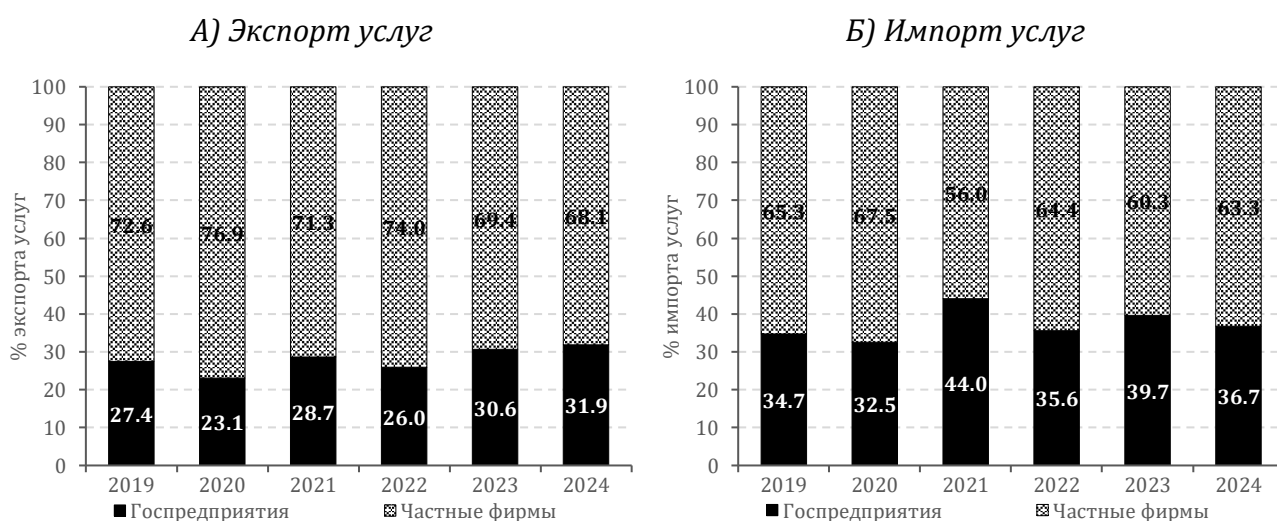
Частные фирмы также воспользовались освободившимися нишами на российском рынке и заметно увеличили поставки товаров после 2019 года (**Рис. 4.А**). Однако экспорт частного бизнеса прирастал меньшими темпами в сравнении с поставками государственных предприятий. В

результате, в условиях сокращения стоимостных поставок нефтепродуктов и калийных удобрений на внешние рынки, доля негосударственного сектора в экспорте в 2022–2024 годах колебалась вблизи уровня 2019 года (**Рис. 4.Б**). Вероятно, в изменившихся условиях функционирования частные компании перестали быть драйверами диверсификации внешней торговли Беларуси и снижения зависимости страны от российских ресурсов и российского рынка.

Таким образом, **доля частного сектора в промышленности и экспорте товаров сохранилась практически неизменной после 2019 года. Однако наблюдавшаяся прежде тенденция к повышению его значимости остановилась.**

В части экспорт услуг доля государственных предприятий возросла на 4,5 п.п. – с 27,4% в 2019 году до 31,9% в 2024 году. Это может объясняться сокращением на 0,4 млрд долларов США за аналогичный период экспорта Парка высоких технологий в связи с релокацией части IT-компаний из Беларуси. Несмотря на некоторое сокращение удельного веса частного сектора в экспорте услуг, он продолжал обеспечивать его львиную часть – 68,1% по итогам 2024 года (**Рис. 5.А**).

Рисунок 5: Структура стоимостного объема экспорта и импорта услуг Беларуси

Источник: расчеты автора на основе данных Белстата.

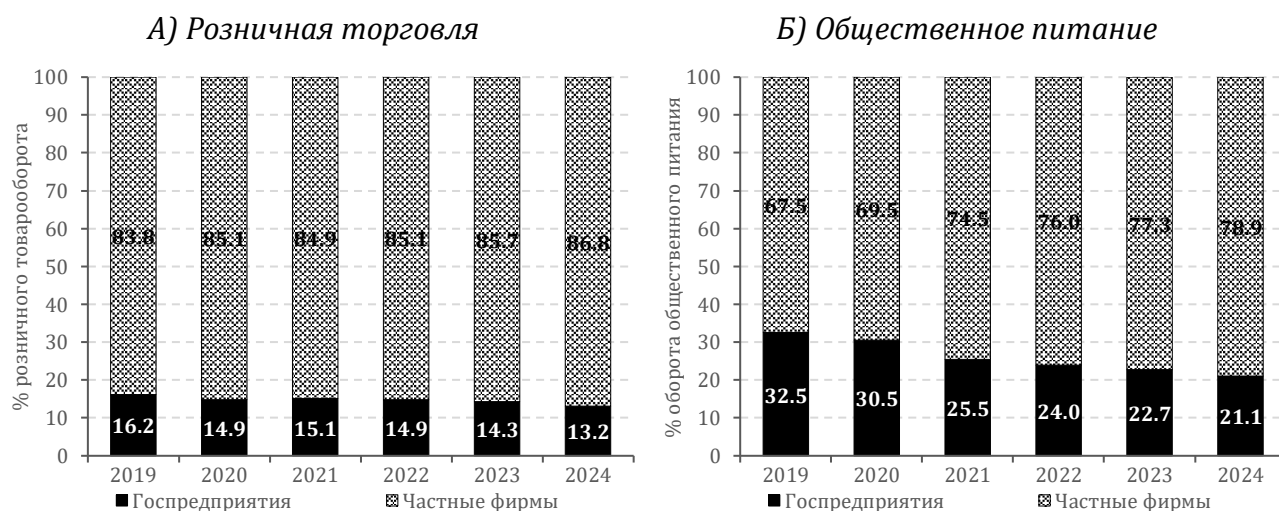
2.3 Значимость государственных предприятий в инвестициях выросла незначительно после 2019 года, а в секторах, связанных с обеспечением потребительского спроса, – снизилась

В 2019 году 61,4% инвестиций формировалось государственным сектором. В 2022–2024 годах его удельный вес колебался в диапазоне 63,6–65,5%, а доля частного бизнеса – около 34,5–36,4% соответственно

(Рис. 3.Б). Небольшое повышение значимости госсектора в капитальных вложения связано с усилиями властей по запуску нового инвестиционного цикла.¹

В розничной торговле и общественном питании частный сектор укрепил позиции после 2019 года. Его доля выросла соответственно на 3 и 11,4 п.п. до 86,8 и 78,9% по итогам 2024 года (Рис. 6).

Рисунок 6: Структура розничного товарооборота и общественного питания в Беларуси

Источник: расчеты автора на основе данных Белстата.

2.4 Частный сектор сыграл решающую роль в перестройке логистических цепочек поставок товаров в Беларусь после усиления санкций в начале 2022 года

Анализу импортных торговых потоков уделялось мало внимания в изученных нами исследованиях. Однако актуальность подобного анализа существенно возросла в связи со сломом устоявшихся производственно-логистических цепочек после введения масштабных санкций в отношении Беларуси и России в начале 2022 года. Перестройка механизмов поставок товаров в страну имела критическое значение для предотвращения масштабного экономического спада и последующего восстановления в силу высокой импортоемкости белорусской экономики: доля импорта в ВВП колебалась около 60–70% с 2012 года.

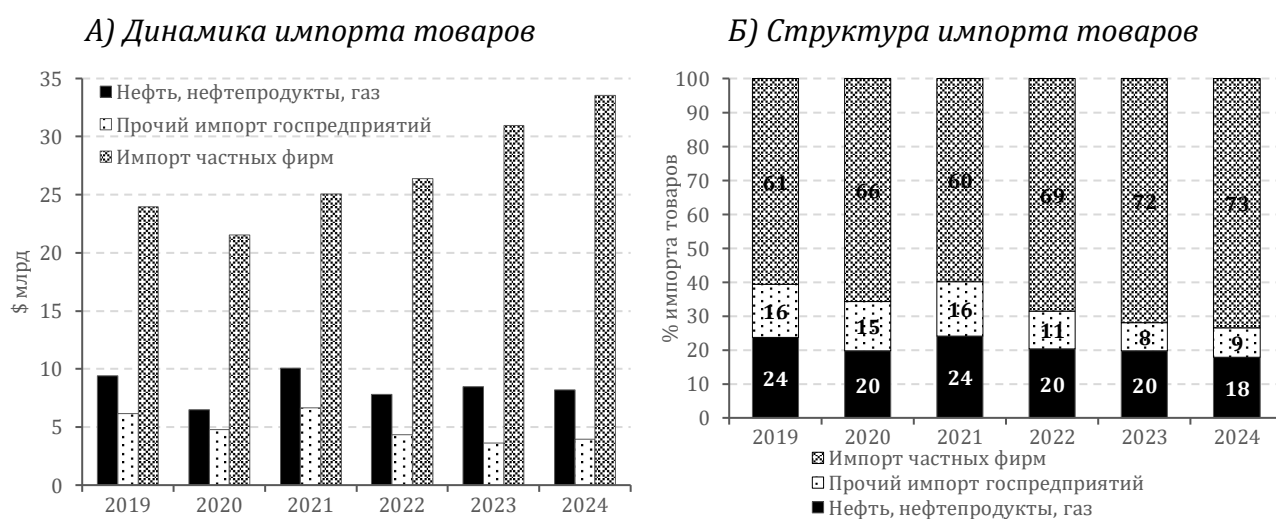
Согласно статистическим данным Белстата, доля государственных коммерческих предприятий в импорте товаров снизилась на 9,8 п.п. – с 28,2% в

¹ См.: Актуализированный комплекс мер по запуску нового инвестиционного цикла (от 6 сентября 2023 г. № 39/225–724/103).

2019 году до 18,4% в 2024 году. Для получения более корректных выводов следует отдельно выделить импорт природного газа из России, который осуществляется ОАО «Газпром трансгаз Беларусь» – 100%-е дочерние предприятие ПАО «Газпром» – и учитывается в статистике как импорт частных фирм. Также целесообразно выделить поставки в страну нефти и нефтепродуктов, объем и цена которых главным образом определяются межправительственными договоренностями Беларуси и России.

Согласно полученным оценкам, удельный вес неэнергетического импорта частного сектора в общем импорте товаров увеличился почти на 13 п.п. с 2019 года – до 73% по итогам 2024 года (**Рис. 7.Б**). Доля неэнергетического импорта государственных предприятий снизилась почти на 7 п.п. за соответствующий период. При этом стоимостные объемы поставок товаров в страну с 2019 года увеличились только со стороны частных фирм, в то время как государственными организациями сократились (**Рис. 7.А**). Необходимо сделать оговорку, что полученные оценки имеют существенную степень неопределенности из-за отсутствия публичной статистической информации.

Рисунок 7: Динамика и структура импорта товаров в Беларусь

Источник: расчеты автора на основе данных Белстата, Нацбанка, Всемирного банка, UN Comtrade, информации в СМИ.

Примечание: при распределении импорта нефти и нефтепродуктов с 2021 года заложена предпосылка о том, что 30% этого импорта приходилась на коммерческие предприятия, учитываемые в статистике как частные, а 70% – как государственные. Это примерно соответствует распределению импорта товаров по отрасли производства кокса и продуктов нефтепереработки в 2019–2020 годах, для которых доступны статистические данные Белстата.

Таким образом, частный бизнес сыграл ведущую роль в перестройке схем поставок товаров в Беларусь после их разрывов в начале 2022 года.

Если бы не высокая адаптивность частного бизнеса, его способность к

поиску нестандартных решений в быстро и кардинально меняющихся условиях, **экономический спад в Беларуси в 2022 году был бы гораздо более глубоким, а восстановление в 2023 году и рост в 2024 году были бы более медленными.**

В части импорта услуг доля частного сектора уменьшилась на 2 п.п. – с 65,3% в 2019 году до 63,3% в 2024 году (**Рис. 5.Б**). Это снижение может объясняться значительным повышением логистических издержек крупных государственных экспортеров, например, в части поставок калийных удобрений на внешние рынки.

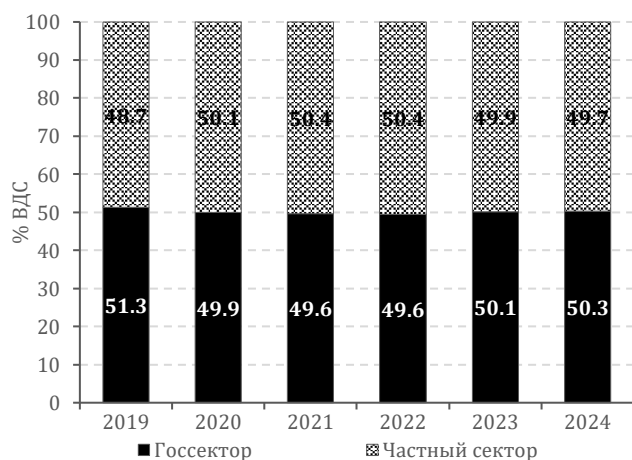
3. Оценка вклада частного и государственного секторов экономики в валовую добавленную стоимость Беларуси

3.1 Частный сектор после 2019 года продолжал формировать около 50% валовой добавленной стоимости (ВДС) Беларуси

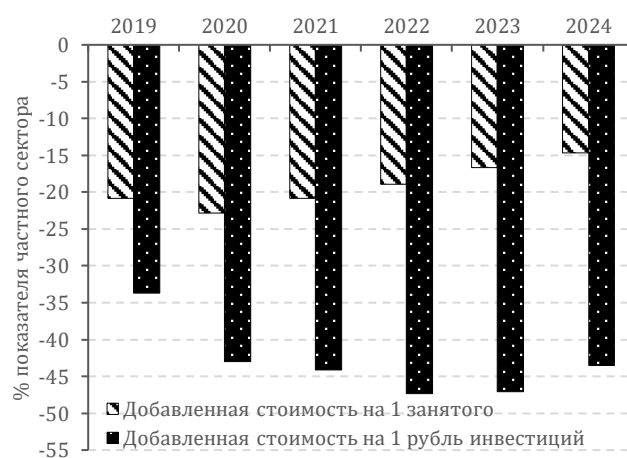
Статистических данных по вкладу государственного и частного секторов в НДС или ВВП Беларуси публично не представлено. Для его оценивания в настоящем исследовании применялся подход, предложенный в работе Данейко и др. (2022). Он основывается на допущении о том, что производительности труда в государственном и частном секторах экономики соотносятся с производительностью труда в целом в экономике в тех же пропорциях, в которой соотносятся заработные платы в них со средней заработной платой в экономике. Используя данные по заработным платам на государственных коммерческих предприятиях и в бюджетных организациях, средней заработной плате по экономике, численности занятых в экономике и в ее отдельных секторах, а также производительности труда (по НДС) в целом в экономике, на основе представленного подхода можно оценить вклад государственного сектора в НДС Беларуси. Вклад частного сектора рассчитывался остаточным образом, как разность между НДС в целом по экономике и добавленной стоимостью, формируемой государственным сектором. Следует учитывать, что полученные на основе подобного подхода оценки вкладов секторов экономики в НДС подвержены неопределенности и имеют погрешность расчета (**Рис. 8.А**).

Рисунок 8: Оценка вклада государственного и частного секторов в ВДС Беларуси и показатели эффективности их деятельности

А) Вклад секторов экономики в валовую добавленную стоимость

Б) Эффективность госсектора относительно частного сектора

Источник: расчеты автора на основе данных Белстата.

Согласно полученным результатам, частный сектор формировал почти 50% ВДС Беларуси в 2019 года, а государственный – немногим более 50% (**Рис. 8.А**). Полученные оценки близки к значениям, представленным в предыдущих исследованиях (Данейко и др., 2022; Мирончик, Щерба, 2022; Гайдук, 2020а; Papko & Kozarzewski, 2020). В 2020–2024 годах удельные веса секторов в ВДС колебались в районе 50%, и по итогам 2024 года частный и государственный сектора генерировали примерно по половине валовой добавленной стоимости в Беларуси (**Рис. 8.А**). Этот результат находится в соответствии с выводами анализа отдельных индикаторов развития секторов экономики, представленного в предыдущем разделе.

Таким образом, **несмотря на ухудшение институциональной среды для ведения бизнеса после 2020 (и особенно после 2022 года), полную или частичную релокацию конкурентоспособного бизнеса на рынках развитых стран («скрытых чемпионов»)** значимость частного сектора в экономике Беларуси, как минимум, не снизилась, и он по-прежнему генерировал половину ВДС страны.

3.2 Государственный сектор оставался менее эффективным в сравнении с частным бизнесом после 2019 года, однако разрыв уменьшился в силу действия специфических неустойчивых факторов

По результатам оценки вкладов секторов в ВДС можно сделать еще один вывод. Если до 2020 года значимость частного сектора в экономике

увеличивалась (по оценкам в работе Данейко и др. (2022) его доля в ВВП с 2012 по 2020 годы возросла более чем на 12 п.п.), то в 2021–2024 годах этот тренд не получил продолжения. Это указывает на потенциальные потери, которые понесла белорусская экономика после 2019 года из-за ухудшения условий ведения бизнеса и релокацией некоторого числа белорусских компаний и их сотрудников в другие страны. Оценка этих потерь является направлением для будущим исследований.

Прекращение тенденции увеличения доли частного бизнеса в экономике после 2019 года происходило на фоне увеличения удельного веса государственных предприятий в экспорте белорусских товаров. Этому способствовали временное снижение конкуренции на российском рынке, повышение спроса со стороны военно-промышленного комплекса России и углубление кооперационных связей с российскими фирмами в условиях санкционного давления. Воздействие этих факторов включило мобилизационный режим работы государственных предприятий. Он выражался в достижении к сентябрю 2023 года рекордной с 2013 года загрузки производственных мощностей в промышленности, ее поддержании вблизи пикового уровня в 70% в 2024 году, а также в опережающем росте производительности труда на государственных предприятиях в сравнении с частными фирмами.

В то же время государственный сектор в 2020–2024 годах по-прежнему формировал меньше добавленной стоимости на одного занятого в сравнении с частным бизнесом, однако разрыв сократился с около 21% в 2019 году до около 15% в 2024 году (**Рис. 8.Б**). Это означает, что рост производительности труда в государственном секторе опережал ее динамику в частном бизнесе. В условиях мобилизационного режима работы государственных предприятий и действия специфических факторов роста выпуска такое положение дел не является устойчивым в долгосрочной перспективе. Косвенно на это указывает отсутствие сопоставимого с производительностью труда улучшения сравнительной эффективности инвестиционного процесса в государственном секторе. Один рубль инвестиций в основной капитал в 2020–2024 годах генерировал добавленной стоимости в размере примерно на 45% меньшем в сопоставлении с частным бизнесом, и этот разрыв расширился после 2019 года (**Рис. 8.Б**).

Таким образом, **эффективность государственного сектора после 2019 года сохранялась на более низком уровне в сравнении с частным бизнесом, а сокращение разрыва в части производительности труда не являлось устойчивым.**

4. Заключение

Частный бизнес в Беларуси после 2019 года продолжал формировать около половины валовой добавленной стоимости страны и оставался наиболее продуктивным сектором экономики. Значимость частного сектора в экономике, как минимум, не снизилась даже в условиях ухудшения институциональной среды и ужесточения санкционного режима в отношении Беларуси. Именно частные предприятия сыграли решающую роль в перестройке в 2022–2024 годах цепочек поставок товаров в страну после их разрывов в начале 2022 года. Без высокой «живучести» и приспособляемости частного бизнеса результаты работы и государственных предприятий, и экономики в целом были бы гораздо хуже в 2022–2024 годах: экономический спад 2022 года стал бы более глубоким, а восстановление в 2023–2024 годах происходило бы медленнее.

Адаптивность бизнеса дает основание полагать, что очередной период трансформации экономических связей, который с высокой вероятностью последует после прекращения военных действий в Украине, может быть пройден белорусской экономикой без масштабных потерь выпуска и благосостояния. Бизнесу важно иметь планы действий при изменении ситуации, в том числе в случае повышения конкуренции на рынках Беларуси и России. Властям необходимо сохранять рыночные институты и сокращать избыточное административное вмешательство в деятельность организаций, в том числе в ценообразование, которое может снизить адаптационный потенциал бизнеса.

Важным результатом настоящего исследования также является то, что наблюдавшийся до 2020 года тренд на увеличении доли частного бизнеса в белорусской экономике приостановился, а размер государственного сектора оставался значительным, особенно в сфере промышленного производства. При этом эффективность деятельности государственных предприятий существенно недотягивала до показателей частных фирм, особенно в части инвестиций. Хотя трансформация предпринимательского ландшафта в последние годы смогла обеспечить устойчивость экономики и социальную стабильность, при сохранении статус-кво трудно рассчитывать на устойчивое повышение темпов экономического роста в Беларуси в долгосрочном периоде на основе инноваций, когда действие специфических факторов роста 2023–2024 годов будет исчерпано.

Государственный сектор должен присутствовать в экономике для недопущения проблем с обеспечением базовой безопасности, предоставлением общественных благ, поддержанием базовой

инфраструктуры и защиты прав собственности. Однако он не должен доминировать в экономике, так как стимулы к предпринимательству и мотивация к труду в таких условиях подавляются, что в итоге приводит к низкой производительности, неэффективному использованию ресурсов и сравнительно низким долгосрочным темпам экономического роста.

Для каждой страны оптимальный уровень участия государства в экономике будет различаться. В Беларуси размер государственного сектора – около 50% ВДС – представляется избыточно большим. К примеру, МВФ оценивал долю государственных предприятий (с участием государства в уставном капитале более 50%) в ВДС в Беларуси в 2016 году примерно в два раза больше, чем в Польше и Сербии, более чем в три раза больше, чем в Словении, Хорватии, Румынии, Болгарии, Сербии, еще в разы больше, чем в Латвии, Литве, Венгрии, Чехии и Словакии (Richmond et al., 2019).

При этом в последнее десятилетие ВВП на душу населения в Беларуси перестал расти относительно государств Центральной и Восточной Европы (Hartwell et al., 2022). Снижение в таких условиях доли в экономике менее продуктивных государственных предприятий в пользу более эффективного частного сектора выглядит естественным направлением экономических преобразований для повышения благосостояния населения Беларуси.

Литература

Бальцерович, Л. и др. 2018. Загадки экономического роста: движущие силы и кризисы – сравнительный анализ. Научные редакторы Л. Бальцерович и А. Жоньца.

Гайдук, К. 2020а. Сектор госпредприятий: структурные вызовы. *Банкаўскі веснік*. № 3/680. С. 26–30.

Гайдук, К. 2020b. Как превратить сектор государственных предприятий в источник роста. *Банкаўскі веснік*. № 3/680. С. 72–74.

Данейко, П., Чубрик, А., Гайдук, К., Борнукова, К., Крук, Д. 2020. Трансформация сектора государственных коммерческих предприятий в Беларуси. *BEROC Policy Paper Series*. PP no. 100.

Данейко, П., эксперты KEF. 2022. Реформирование сектора государственных коммерческих предприятий в Беларуси: концептуальные направления. *Банк идей*.

Калечиц, Д. Л. 2024. Обеспечение финансовой стабильности в 2023 году и задачи на 2024 год. *Банкаўскі веснік*. № 1/726. С. 8–15.

Крук, Д. 2020. Экономический рост в Беларуси: идентификация барьеров и выбор приоритетов. *Банкаўскі веснік*. № 3/680. С. 15–21.

Крук, Д. 2023. Что нужно для укрепления макроэкономической стабильности в Беларуси? *BEROC Working Paper Series*. WP no. 85.

Лузгина, А., Корейво, В. 2023. Анализ потока мигрантов из Беларуси в Польшу, Литву и другие страны Европейского Союза в 2021–2022 гг. *BEROC Working Paper Series*. WP no. 84.

Мирончик, Н., Левихина, А. 2020. Как ускорить рост белорусской экономики? *Банкаўскі веснік. Тэматычны выпуск. «Исследования банка № 19»*.

Мирончик, Н., Щерба, Е. 2022. Какие показатели могут быть полезны для мониторинга экономической безопасности Республики Беларусь? *Банкаўскі веснік*. № 6/707. С. 16–29.

Чубрик, А. 2021. Назад в будущее, или краткая историческая справка о белорусском частном секторе. *Дискуссионный материал исследовательского центра ИПМ*. № 2021/03.

BEROC. 2023. Развитие частного сектора. Вместо реформ и для экономического суверенитета Беларуси. *Банк идей*.

BEROC. 2024a. Бизнес как предчувствие или реквием по мечте? Кем видит своих детей нынешнее поколение родителей. *BEROC Working Paper Series*. WP no. 35.

BEROC. 2024b. Economic and electoral cycles in Belarus: interrelationships and challenges of 2025–2026. *BEROC Policy Paper Series*. PP no. 120.

BEROC. 2024c. Overheating of the Belarusian economy: is the threat serious and what to expect in 2025? *BEROC Policy Paper Series*. PP no. 122.

Bornukova, K., Friedrich, D. 2021. Private sector in Belarus and political crisis. *Policy Brief within the project “Network for Belarus”*.

Dobrinsky, R. et al. 2016. The Belarus economy: the challenges of stalled reforms. *The Vienna Institute for International Economic Studies Research Report*. No. 413.

Hartwell, C.A., Bornukova, K., Kruk, D., Zoller-Rydzek, B. 2022. The economic reconstruction of Belarus: next steps after a democratic transition. European Parliament coordinator: Policy Department for External Relations. Directorate for External Policies of the Union.

Kruk, D. 2024. Cognitive dissonance on Belarus: recovery and adaptation or stalemate? *FREE Network Policy Brief Series*.

Lvovskiy, L. 2024. Imbalances are accumulating in Belarus labor market. *Expert Opinion Bulletin: October 2024. Belarus Economy Monitor: trends, attitudes and expectations*. BEROC. PP. 2–3.

Marozau, R. 2023. Belarusian business in turbulent times. *FREE Network Policy Brief Series*.

Papko, A., Kozarzewski, P. 2020. The evolution of Belarusian public sector: from command economy to state capitalism? *CASE Working Papers*. No. 12 (136).

Richmond, C., et al. 2019. Reassessing the role of state-owned enterprises in Central, Eastern, and Southeastern Europe. *European Departmental Paper Series*. No. 19/11. IMF, Washington, DC.

World Bank Group. 2025. The World by income and region. URL: <https://datatopics.worldbank.org/world-development-indicators/the-world-by-income-and-region.html>

World Bank. 2018. Belarus systematic country diagnostic: towards a competitive, inclusive and dynamic Belarus. *World Bank Systematic Country Diagnostics*.

World Governance Indicators. 2025. World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access>.